

Монолог самого языка

“Юз, джаз, Ирка и пес” Сергея Мирошниченко

“Мат, русский мат, спасителен для меня лично в той зловонной камере, в которую попал наш могучий, свободный, великий и пр., пр. русский язык. Загоняют его в передовые статьи, в постановления, в протоколы допросов, в мертвые доклады на собраниях, съездах, митингах, конференциях, где он постепенно превращается в доходягу, потерявшего достоинство и здоровье, вышибают из него дух!” Выстрадав эту фразу говорит, глядя в кинокамеру, Иосиф Ефимович Алешковский. Впрочем, имя его и отчество мало кому что говорят. Тысячам людей он знаком по своему короткому псевдониму Юз.

В сознание многих он вошел прежде всего как неисправимый бунтарь, любитель похулиганить, поматерщинничать, создатель книг, которыми подпольно зачитывались советские читатели. Менее известно, что после вторжения наших войск в Чехословакию Алешковский, автор сценариев к популярным детским фильмам “Кыш и два портфеля” и “Вот моя деревня”, сам разорвал все договоры со студиями и издательствами и стал писать книги, которые заведомо были обречены на запрет в СССР. И жизнь подпольного и преследуемого писателя он вел почти десять лет, пока ему не разрешили выезд в США.

И все-таки, наверное, главное, с

чем он вошел в сознание поколений, — это песни. Песни, которые Юз начал писать в лагере в начале пятидесятых. Пели их и уголовники, и интеллигалы: “Окурочек”, “Свадьба”, конечно, “Товарищ Сталин, вы большой ученый”. Баллады, написанные от лица людей не слишком образованных, но произведения, удивительно попадавшие в духовную жизнь страны. Страны, где, кроме открытой культуры, была еще огромная фольклорная культура тюрем, лагерей, вышек и колочучей проволоки. И именно Юз Алешковский стал одним из тех, кто сумел выразить мысли миллионов советских граждан, лишенных свободы. Он всегда поступал и поступает наперекор. Наперекор общепринятым правилам, наперекор логике самосохранения. И вот сегодня, когда, казалось бы, все уже сказано и издано, он вновь перед нами. Сергей Мирошниченко только что закончил свой новый фильм “Юз, джаз, Ирка и пес”.

Наверное, некоторым может показаться странным выбор нашего известного кинодокументалиста. После фильмов о Викторе Астафьеве, Георгии Жженове и Александре Солженицыне Мирошниченко выбрал, казалось бы, фигуру, не совсем попадающую в этот ряд. Но это только на первый взгляд. Потому что перед нами

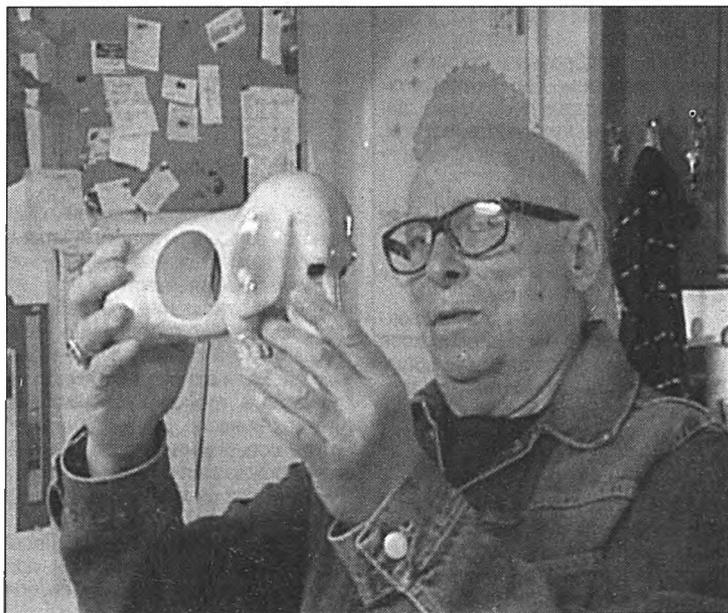
человек, также ставший символом своего времени. И дело не только в пребывании в тюремных бараках, дело в стремлении говорить и осуществлять все, что думаешь, как бы опасно это не было. В неистребимом российском правдоискательстве. В каком-то, если вспомнить пушкинские слова, “самостоянии” личности.

Картину, сделанную на студии “Остров” при содействии продюсера Григория Либергала, Мирошниченко выстроил в излюбленном самим Алешковским жанре монолога. Мы видим писателя, прогуливающегося в Нескучном саду и по дворам своего московского детства, о котором он говорит более чем откровенно. Дворы в послевоенной Москве были жестокие, и “блатная жизнь” воспитывала будущего автора, наложив печать на многие этапы его дальнейшей судьбы. И после московских съемок Вячеслава Сачкова Юз предстает уже в Америке, в своем доме в штате Коннектикут, рядом с любимой женой Ириной и безмерно обожаемым спаниелем. Он говорит, смеется, ругается перед камерой другого оператора — Евгения Смирнова, снимавшего американскую часть картины.

Верный своей манере, Мирошниченко позволяет герою говорить долго, погружая зрителя в мир своего героя. И лишь изредка прерывая рассказ вставками. Но какими! То это колоритнейший московский коллекционер, то Михаил Булько, поющий хриплым, надсадным голосом “Окурочек” на террасе у Алешковского, то Иосиф Бродский, пританцовывающий в нью-йоркском русском ресторане под “Свадьбу” в исполнении автора. Великий поэт дружил с Алешковским и очень ценил его талант, а в предисловии к роману Юза “Рука” написал, что это “... Монолог всей кошмарной русской истории этого столетия, но прежде всего монолог самого языка, который, как и породившая его карательная система, не знает себе равных”.

Так оно и было. И сам Алешковский, кинувший вызов этой системе, размышляет о том, что же случилось с ним и с его страной. Размышляет под шум московских улиц и под мелодии американского джаза. Говорит яростно, страстно, так, как он всегда и живет, и пишет.

Виктор ЛЕОНИДОВ

Кадр из фильма